

РОССИЙСКИЙ ИНВЕСТИЦИОННЫЙ ФОРУМ — 2018

Тематическое приложение
к ежедневной деловой газете РБК
Четверг, 15 февраля 2018 | № 028 (2752)

РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ: КЛАСТЕР НЕ ПАНАЦЕЯ | МАЛЫЙ БИЗНЕС: С ЛОКАЛЬНОГО
РЫНКА — НА МИРОВОЙ | ПРОЕКТ: ПОРТ КАК РЕГИОНАЛЬНЫЙ ДРАЙВЕР | ИННОВАЦИИ:
ОЦИФРОВКА КИЛОВАТТА | НЕДРА: ГЕОЛОГОРАЗВЕДКА БЕЗ ВЗРЫВЧАТКИ

ФОТО: АРТУР ЛЕБЕДЕВ/ТАСС

СУБЪЕКТЫ СТАЛИ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНЕЕ

РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ — ГЛАВНАЯ ТЕМА ПОВЕСТКИ РОССИЙСКОГО ИНВЕСТИЦИОННОГО ФОРУМА — 2018
В СОЧИ. КРИЗИС ПРОЙДЕН, ДЕЛОВОЙ КЛИМАТ В РАЗНЫХ ЧАСТЯХ СТРАНЫ УЛУЧШАЕТСЯ. **ЮЛИЯ ГЛУХОВСКАЯ**

О том, что регионы миновали период рецессии, свидетельствуют результаты исследований их инвестиционной активности. Так, в 2017 году зафиксирована самая позитивная динамика за всю пятилетнюю историю измерений Национального рейтингового агентства (НРА), говорят его аналитики. По данным агентства, 22 региона из 85 улучшили свои позиции, 25 территориям удалось получить статус высокопривлекательных для инвестиций, и лишь в шести

показатели ухудшились. По подсчетам Агентства стратегических инициатив (АСИ), инвестиционный климат улучшился в 51 регионе.

Положительная динамика наблюдается с 2016 года, подтвердили РБК+ в пресс-службе Минэкономразвития. По данным ведомства, в среднем в 26 регионах в этот период доля инвестиций в основной капитал в валовом региональном продукте (ВРП) превысила 25%, в 14 из них — 30% ВРП.

Значительно улучшилась и оценка комфортности ведения бизнеса предпринимателями: в рейтинге Всемир-

ного банка Doing Business Россия за шесть лет совершила «беспрецедентный скачок» вверх на 85 позиций — с 120-го места в 2011 году на 35-е по итогам 2017-го. «Это подтверждение реального упрощения бизнес-среды, которое достигнуто благодаря комплексу реформ на федеральном уровне и в регионах», — говорят в министерстве.

Впервые за долгое время в стране снизился общий инвестиционный риск, отмечают авторы ежегодного исследования рейтингового агентства RAEX («Эксперт РА») «Инвести-

ционный климат регионов — 2017». Финансовый риск, например, за год сократился на 4,8%, социальный и экономический риски уменьшились на 3,9 и 3% соответственно.

По данным Росстата, инвестиции в основной капитал за девять месяцев прошлого года выросли на 4,2% к аналогичному периоду 2016-го. Доля регионов, увеличивших объем промышленного производства, выросла с 72 до 85% по результатам трех квар-

РЕГИОНЫ ПРИМЕРЯЮТ КЛАСТЕРЫ

НАИБОЛЕЕ УСПЕШНЫЕ ЭКОНОМИКИ РАЗВИВАЮТСЯ НА БАЗЕ ИННОВАЦИОННО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ КЛАСТЕРОВ. В РОССИИ ПОДОБНУЮ СИСТЕМУ НАЧАЛИ СОЗДАВАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД, И НЕ ВЕЗДЕ ОНА ПОКАЗЫВАЕТ СВОЮ ЭФФЕКТИВНОСТЬ. **КОНСТАНТИН АНОХИН**

ФОТО: BLOOMBERG

Инновационный кластер представляет собой площадку, сформированную по территориальному принципу для взаимодействия науки и бизнеса в целях наиболее быстрого воплощения идей в продукты. В большинстве европейских стран кластерная политика реализуется специальными структурами, созданными при различных министерствах. В среднем число таких структур в каждой стране составляет от одной до трех. В Финляндии и Германии, входящих в число лидеров по успешности кластерной политики, за ее формирование и реализацию отвечают по три министерства. В основном речь идет о министерствах финансово-экономического блока, промышленности и торговли.

Экономика Швейцарии, стабильно входящей в десятку богатейших стран мира, также развивается на основе кластеризации. При этом инновационно-территориальные кластеры формировались в Швейцарии естественным путем, некоторые — на протяжении десятилетий. Правительство страны не принимало для этого специальных программ, оно лишь создает благоприятную бизнес-среду и обеспечивает политическую стабильность.

«ПИЛОТЫ» НА ВЗЛЕТЕ

Российское правительство в 2012 году заявило о начале реализации кластерной политики в рамках Стратегии инновационного развития до 2020 года. Тогда же премьер-министр Дмитрий Медведев утвердил перечень пилотных инновационных территори-

альных формирований. В список вошли 25 иннокластеров в различных субъектах Федерации, ориентированных на отрасли, приоритетные для будущего стабильного развития этих регионов.

Проекты отбирали на конкурсной основе из 94 заявок, которые поступили от различных территориальных образований, а также производственных и бизнес-структур, технопарков. Некоторые из них уже называли себя кластерами и рассчитывали на участие в программе и соответствующую государственную финансовую поддержку.

Формировать кластеры было решено по четырем основным критериям: наличию научно-технологического и образовательного потенциала; наличию производственного потенциала; соответствие определенным стандартам качества жизни и уровня развития транспортной, энергетической, инженерной и жилищ-

ной инфраструктуры; уровень организационного развития кластера. Оценивалась эффективность запланированных мероприятий. В итоге инновационные кластеры появились в Северо-Западном, Центральном, Уральском, Сибирском, Дальневосточном и Приволжском федеральных округах. Так, кластеры Санкт-Петербурга профилированы на медицинскую, фармацевтическую промышленность, радиационные технологии; инновационный кластер информационных и биофармацевтических технологий создан в Новосибирской области, ядерно-инновационный — в Димитровграде Ульяновской области, сформирован также кластер «Физтех XXI» в Долгопрудном Московской области и другие.

По оценкам Минэкономразвития РФ, по состоянию на 2011 год общее число рабочих мест на предприятиях и в организациях — участниках кластеров с уровнем заработной платы, превышающим на 100% средний уровень в регионах базирования кластера, составляло порядка 180 тыс. Выработка в среднем на одного работника таких предприятий в том же 2011 году составляла 1955,2 тыс. руб. в год.

По итогам формирования и развития инновационных территориальных кластеров, которые Минэкономразвития представило в 2016 году, оказалось, что за три года выработка на одного работника организаций-участников увеличилась с 2630 тыс. (в 2013 году) до 3235 тыс. руб. (в 2016-м). Число новых (или модернизированных) высокопроизводительных рабочих мест выросло с 27,2 тыс. (в 2013 году) до 41,4 тыс. единиц (в 2016-м), а объем произведенной продукции, работ и услуг (за тот же период) — с 1,54 трлн руб. ежегодно до 2,17 трлн руб.

В прогнозах, представленных Минэкономразвития в апреле прошлого года, говорится, что развитие кластеров позволит достичь к 2020 году роста выработки на одного работника на 20% по отношению к уровню 2016 года, число высокопроизводительных рабочих мест в организациях — участниках кластеров вырастет не менее чем на 100 тыс. еди-

ОКРУГА И ИННОВАЦИИ

В перечень инновационных территориальных кластеров, утвержденный 28 августа 2012 года премьер-министром Дмитрием Медведевым, вошли 25 территориальных кластеров.

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

Кластер медицинской, фармацевтической промышленности, радиационных технологий Санкт-Петербурга (Ленинградская область)
Развитие информационных технологий, радиоэлектроники, приборостроения, средств связи и инфотеле-

коммуникаций (Санкт-Петербург)
Судостроительный инновационный кластер (Архангельская область)

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

Кластер фармацевтики, биотехнологий и биомедицины (Обнинск, Калужская область)
Биотехнологический инновационный территориальный кластер (Пушино, Калужская область)
Кластер «Физтех XXI» (Долгопрудный, Московская область)
Биотехнологический

инновационный территориальный кластер ядерно-физических и нанотехнологий (Дубна, Московская область)
Новые материалы, лазерные и радиационные технологии (Троицк, Москва)
Кластер «Зеленоград» (Москва)

ПРИВОЛЖСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

Энергоэффективная светотехника и интеллектуальные системы управления освещением (Республика Мордовия)
Саровский инновационный кластер (Нижегородская область)

Ядерно-инновационный кластер (Димитровград, Ульяновская область)
Консорциум «Научно-образовательно-производственный кластер «Ульяновск-авиа» (Ульяновская область)
Камский инновационно-территориально-производственный кластер (Республика Татарстан)
Нижегородский индустриальный кластер в области автомобилестроения и нефтехимии (Нижний Новгород, Дзержинский, Нижегородская область)
Инновационный территориальный аэрокосмический кластер (Самарская область)

Нефтехимический территориальный кластер (Республика Башкортостан)
Инновационный территориальный кластер ракетного двигателестроения «Технополис «Новый Звездный» (Пермский край)

УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

Титановый кластер (Свердловская область)

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

Фармацевтика, медицинская техника и информационные технологии (Томская область)

Комплексная переработка угля и техногенных отходов (Кемеровская область)
Кластер инновационных технологий (Железногорск, Красноярский край)
Инновационный кластер информационных и биофармацевтических технологий (Новосибирская область)
Алтайский биофармацевтический кластер (Алтайский край)

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

Инновационный территориальный кластер авиационного и судостроения (Хабаровский край)

ниц, привлечение инвестиций за счет внебюджетных источников до 2020 года увеличится не менее чем на 300 млрд руб.; объем работ и проектов в сфере научных исследований и разработок, выполняемых «кластерными» компаниями, станет больше на 100 млрд руб.; объем совокупной выручки от продаж компаниями кластеров несырьевой продукции на экспорт удвоится, а рост числа патентов на изобретения — утроится.

ФАКТОР НЕДОВЕРИЯ

По мнению заведующего отделом кластерной политики Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ Евгения Куценко, для того чтобы кластер стал успешным, необходимо несколько основных условий. В первую очередь — наличие в регионе «критической массы» организаций и предприятий в одной либо смежных видах деятельности. «Иначе может не возникнуть синергетического эффекта, не появятся совместные интересные проекты», — говорит эксперт.

Важнейшим условием создания успешного кластера остаются качество управления и уровень компетенции региональных команд. «Если региональные органы власти квалифицированные, прилагают силы для его развития — кластер будет развиваться успешно. Если же региональные власти не знают, зачем он им нужен, используют его как еще один из способов получения федеральных денег — он может и «не взлететь», — объясняет Евгений Куценко. Между тем эксперты сомневаются, что оба

эти условия обеспечены во многих регионах. Публичной систематизированной информации по итогам пилотного проекта, который длится уже шесть лет, нет. Согласно экспертным оценкам, есть кластеры, которые можно считать успешно развивающимися, но есть и бесперспективные. На развитие 25 утвержденных в 2012 году кластеров правительство предполагало выделять до 5 млрд руб. ежегодно в течение пяти лет начиная с 2013 года. Фактически же эти 5 млрд руб. из госбюджета были выделены лишь за три года. Сумма, вероятно, не выглядит мизерной с обывательской точки зрения, но «мощные проекты очень сложно двинуть за такие деньги — стоимость одного завода может составлять около 1 млрд руб. и выше», поясняет Евгений Куценко.

Кроме того, развитие кластеров может тормозиться рядом факторов. По оценкам начальницы управления стратегического развития, государственного управления и региональной политики Аналитического центра при правительстве РФ Антона Стешенко, главным таким фактором является вопрос доверия между субъектами российской экономики: «Тесная долгосрочная кооперация возможна только на принципах доверия к партнеру, и в российских условиях этот фактор пока, к сожалению, можно оценить как негативный, сдерживающий рост кластеров». Другой сдерживающий фактор, говорит он, это объем рынка. «Как правило, для полноценного функционирования кластеров необходим доступ к масштабным рынкам сбыта. Именно поэтому кластеры

слабо развиты в удаленных регионах с недостаточным потребительским спросом и слабо развитой инфраструктурой, в том числе логистическо-сбытовой», — объясняет эксперт.

Западный опыт не стоит отвергать, уверен Евгений Куценко, однако нужно учитывать российскую специфику: «Дизайн мы взяли европейский, тем не менее отличия есть. Например, для европейских кластеров большую роль играет система членских взносов: если организация за что-то платит, то она заинтересована и в активном участии. У нас пока этот принцип только вводится».

С ним солидарен и Антон Стешенко. «Российская программа поддержки кластеров во многом учитывает позитивный зарубежный опыт. Вместе с тем в европейской практике кластеры глубже включены в процесс формирования стратегий развития региона, определение смарт-специализаций регионов, они встроены в цепочки международной кооперации», — уточняет представитель Аналитического центра при правительстве РФ. Стратегия кластерного развития в российских регионах фактически еще на старте, и, возможно, она уже нуждается в коррективах.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КЛАСТЕРОВ

В **Швейцарии** более 20 крупных кластеров, практически каждый из них представляет отдельную отрасль. В первую очередь это фармакологический кластер на северо-западе страны, в частности в Базеле, часовой кластер в регионе Юра, кластер по производству медицинской техники и высокоточных инструментов в регионе Эспас-Мидланд на западе Швейцарии, а также несколько финансовых и торговых кластеров в Цюрихе, Женеве, Цуге, туристический кластер в Берне и Вале, хай-тек кластер небольших фирм в долине Рейна на границе с Австрией.

Кластерно-инновационная политика **Германии** характеризуется вовлеченностью в процесс множества малых и средних предприятий, а также высоким уровнем образования специалистов. В этой стране налажен обмен идеями, опытом между предприятиями из разных отраслей. Этому способствует близкое расположение кластеров друг к другу, что позволяет добиться синергетического эффекта.

Отличительная особенность кластеров **Италии** в том, что они заняты преимущественно изготовлением потребительских товаров и пищевым производством. Среди кластеров есть крупные, объединяющие 100, 200 и более предприятий. Экспорт их продукции приносит заметный доход госказне.

В **США** около 400 кластеров, которые в основном профилированы под компьютерные технологии. Символ американских территориально-инновационных кластеров — Кремниевая долина. Это главный мировой центр, генерирующий идеи и создающий продукцию в сфере компьютеров и мобильных гаджетов.

Цифровая экосистема медицины будущего

Как облачные сервисы, искусственный интеллект, большие данные и другие достижения IT-индустрии нашли применение в здравоохранении, и к чему это приведет.

Последние несколько лет стали знаковыми для медицины: внедрение высоких технологий вывели здравоохранение на новый — цифровой — уровень. Нынешняя «медицина в цифре» — это не только электронная запись на прием или онлайн-консультация врача, но и применение систем нового поколения, использующих возможности искусственного интеллекта, интернета вещей, дополненной реальности, блокчейн и т.д. Цифровизация — неизбежный путь дальнейшего развития рынка здравоохранения, и с каждым годом сектор цифровой медицины становится всё более привлекательным для инвесторов.

IT плюс медицина

Зарубежный рынок цифрового здравоохранения (digital health) развивается весьма активно: по данным Rock Health, инвестиции в эту отрасль только в США за первую половину 2017 года составили \$3,5 млрд; 80% американцев использовали по крайней мере одну из категорий цифровой медицины, а 56% — три и более категорий.

В России система digital health пока в процессе становления. В 2017 году лишь 22% российского населения и 53% медработников знали о возможности применения цифровых технологий в медицине (исследование «Индекс здоровья будущего», Philips), однако важные решения для развития цифрового здравоохранения

ранения начали приниматься на государственном уровне. В 2016 году утвержден паспорт приоритетного проекта Правительства РФ «Электронное здравоохранение» и «дорожная карта» HealthNet. В 2017 году цифровое здравоохранение стало одной из важнейших составляющих госпрограммы «Цифровая экономика РФ». В 2018 вступил в силу закон о телемедицине.

Сегодня на отечественный рынок цифрового здравоохранения приходят игроки разного уровня — от стартапов до лидеров российской IT-индустрии (Яндекс, Mail.ru). В их числе и компания Philips — признанный в мире эксперт в области технологий для здоровья.

В активе Philips — опыт множества разработок в сфере digital health. И умение решать главную задачу цифрового здравоохранения — создавать системы, которые позволяют органично интегрировать IT-решения в здравоохранение и адаптировать инновационные технологии для нужд медицины. В тесном сотрудничестве с ведущими мировыми медучреждениями Philips объединяет врачей, пациентов, внешние цифровые сервисы и технологии в единые, целостные экосистемы, что теперь является одним из ключевых фокусов компании в дальнейшем развитии своих решений для индустрии здравоохранения.

Создание подобных систем делает медицинскую помощь более доступной и

качественной, что особенно важно для российских регионов — благодаря цифровизации врач из любой точки страны может получить консультацию у экспертов центральных клиник, отправив результаты исследований пациента по «внутри-системной связи».

Big Data в помощь

Объем информации, необходимой для успешной работы современной медорганизации, огромен. Это весьма обширные и разнесенные по времени данные о пациентах. Это обмен информацией и практиками между различными медучреждениями. А также хранение справочных сведений, интеграция различных программ и многое другое.

Главные помощники в оперативной и качественной обработке этих Больших Данных (Big Data) — облачные технологии и искусственный интеллект. Их возможности широко использует разработанная Philips облачная платформа. Она собирает и анализирует самые разные медицинские данные, позволяя врачам не тратить время на обработку массивов информации, а сосредоточиться на решении своих основных задач. Так, использование решения Philips в Wellcentive (США) снизило стоимость лечения на 34%, число повторных обращений пациентов — на 75%, срок пребывания в стационаре — на 50%.

Цифровая медицина — это удобно

Новейшие технические средства значительно упрощают жизнь докторов и пациентов. Например, данные УЗИ можно получить с помощью приложения для смартфона/планшета с системой датчиков. Болезненную биопсию успешно

может заменить высокоточное исследование состава тканей на спектральном томографе. Хирургам стало проще проводить оперативные вмешательства: увидеть детали операционного поля им помогает комплексная платформа для интервенционной радиологии.

Круглосуточный телемониторинг данных о здоровье с помощью носимых персональных датчиков существенно снижает сроки пребывания пациентов в стационаре, а часто позволяет обойтись и без госпитализации — к примеру, в медцентре Banner Health (Аризона, США) количество госпитализаций уменьшилось вдвое.

Еще один плюс цифровизации — возможность интеграции процессов и систем разных производителей медицинского оборудования. Для этого Philips, например, предлагает технологические решения для отделения реанимации и интенсивной терапии, позволяющие передавать данные с различного оборудования в единую интеллектуальную информационную систему поддержки принятия решения. Подобные системы можно настраивать по множеству критериев и правил, анализировать данные пациента и вести протоколы лечения. С их помощью удается снизить время пребывания пациентов в реанимации и число ошибок в медицинских назначениях.

Цифровая медицина уже начала менять систему здравоохранения, делая ее более эффективной и точной. Объединяя усилия экспертов в медицине и IT-сфере и сосредоточив внимание на пациенте, можно создать систему, которая повысит качество лечения и позволит снизить расходы на обслуживание медицинских учреждений.

С ТОВАРОМ НА ВЫХОД

ЧТО МЕШАЕТ РОССИЙСКОМУ МАЛОМУ БИЗНЕСУ ЗАВОЕВЫВАТЬ ЗАРУБЕЖНЫЕ РЫНКИ? **ИВАН БРИЗОВ**

На 30 тыс. малых предприятий, занятых сегодня в экспорте продукции и услуг, приходится \$0,5 млрд экспортной выручки в год, рассказывает доцент Высшей школы корпоративного управления РАН-ХиГС Виктор Солнцев. Учитывая, что в стране 5 млн зарегистрированных предприятий, «это капля в море, а полмиллиарда долларов — всего лишь 0,2% от объема российского экспорта, величина бесконечно мала, особенно в сравнении с аналогичными показателями развитых и даже развивающихся стран», говорит эксперт.

Участие российских компаний малого и среднего бизнеса в несырьевом экспорте не превышает 9% — приводит данные Росстата и ФТС заведующий кафедрой предпринимательства и логистики РЭУ им. Г.В. Плеханова Дмитрий Завьялов. Однако, по его словам, на момент принятия Программы развития малых и средних предприятий (МСП) до 2030 года эта цифра не превышала 5–6%. Причины такого положения дел «связаны и с общей низкой долей МСП в экономике на фоне доминирования крупных структур, и со специфическими сложностями малого бизнеса в экспортной сфере: у него меньше возможностей для масштабного изучения внешних рынков сбыта и поиска надежных партнеров, маркетингового продвижения товаров, доступа к финансированию», говорит ведущий аналитик ГК TeleTrade Марк Гойхман.

«Выход на мировые рынки возможен только с продукцией высокого качества, сертифицированной по международным стандартам. Российская несырьевая продукция всегда с трудом преодолевает тяжелые административные барьеры при входе на насыщенные всевозможными товарами европейские, американские и даже развивающиеся азиатские рынки», — говорит Виктор Солнцев. По его словам, доверие к российским производителям практически на нуле, а уровень качества поставок не стабилен. «Есть и другая крайность — российские высокотехнологические приборы, системы диагностики и управления, материалы и технологии иногда опережают мировой уровень. Сертификация таких образцов маловероятна, так как каждая страна лоббирует интересы прежде всего своих компаний», — добавляет Виктор Солнцев.

СТИМУЛЫ И ПРЕФЕРЕНЦИИ

Президент Торгово-промышленной палаты (ТПП) Сергей Катырин считает, что в поддержке инициатив МСП по экспорту продукции и услуг очень важна помощь государства. Прежде всего это «финансовые преференции и налоговые стимулы», говорит он. По словам президента ТПП, 2 февраля 2018 года Минэкономразвития определило список банков — участников программы льготного кредитования МСП под 6,5%. Получить льготный кредит предприниматели могут в 15 банках, которым будут предоставлены субсидии из федерального бюджета на возмещение недополученных

Выход на мировые рынки со своими товарами и услугами возможен только с продукцией высокого качества, сертифицированной по международным стандартам

доходов по кредитам, выданным субъектам МСП по льготной ставке на реализацию проектов в приоритетных отраслях. Сроки льготного кредитования составляют десять лет на инвестиционные цели и три года — на оборотные. Кредиты будут выдаваться на проекты в сельском хозяйстве, обрабатывающих производствах, строительстве, транспорте и связи, туристической деятельности, здравоохранении и утилизации отходов, а также в сфере общественного питания и бытовых услуг и других отраслях. «К тому же льготные кредиты и сниженные ставки налогообложения создают привлекательный инвестиционный климат и способствуют притоку частного капитала. Например, в конце 1950-х годов в Японии был принят закон об электронной промышленности, который подразумевал специальные кредиты и налоговые льготы для фирм, которые развивали и использовали современные технологии производства. Благодаря этому закону Япония к началу 1980-х годов вышла в лидеры в области микроэлектроники», — рассказывает Сергей Катырин. Примерно то же самое происходило и в Китае — в свое время правительство этой страны уменьшило ставку НДС с 17 до 3% для местных разработчиков и производителей полупроводниковых компонентов, а в 2005 году полностью отменило для них НДС.

Глава ТПП убежден в необходимости нового комплекса мер по повышению доступности финансов для среднего производственного бизнеса. «Надо, чтобы деньги шли на конкретные инвестиционные проекты с высокой добавленной стоимостью. Одним из инструментов, которые могут существенно повысить инвестиционную привлекательность производственной сферы экономики, стало бы снижение ставки налогообложения тех доходов компаний, которые получены в ре-

зультате реализации запатентованной продукции», — говорит Сергей Катырин. В частности, такую практику, по его словам, уже ввели в разных формах ряд стран ЕС и Китая.

СТРАХИ И БАРЬЕРЫ

Регистрация компании вне российской юрисдикции, говорит Виктор Солнцев, позволяет эффективнее капитализировать бизнес, получить доступ на рынки и больше шансов на доверие потребителя. «Чтобы поднять долю МСП именно в отечественном несырьевом экспорте, о чем так часто стали говорить в российском правительстве, нужно пересмотреть приоритеты и структуру развития всей экономики, ориентированной сегодня только на сырьевой экспорт госкорпораций и госкомпаний», — убежден эксперт.

Экспортные возможности российского малого бизнеса ограничены уже тем, что он преимущественно основан на торговле и услугах населению, а промышленное производство не превышает 8–10% в общем объеме, считает Дмитрий Завьялов. К тому же, как показали опросы, большинство руководителей МСП считают экспорт уделом крупных корпораций, а сами экспортные процедуры настолько сложными, что, по их мнению, осилить их малому бизнесу невозможно. По мнению Дмитрия Завьялова, финансовые риски и заморозка денежных средств, трудоемкость и длительность процедуры возврата экспортного НДС — все это отпугивает малый бизнес. «Государство старается помочь с решением перечисленных проблем, на этом направлении активно работают ТПП, Российский экспортный центр, центры поддержки МСП. Наряду с информационно-консультационной поддержкой существуют программы льготного

кредитования экспортеров», — отмечает Дмитрий Завьялов. Однако, по его словам, с точки зрения масштабов государственной поддержки экспорта Россия далека от Китая и США, где Экспортно-импортный банк за счет кредитования покупателей американских товаров из других стран стимулировал экспорт товаров из США на сумму почти \$500 млрд.

Эксперты считают, что шансы завоевать зарубежного потребителя есть у российских сельхозпроизводителей, представителей туристического бизнеса, легкой промышленности, большой потенциал они видят в экспорте продукции предприятий наукоемких и высокотехнологичных отраслей.

Виктор Солнцев в качестве успешного примера называет НПО «Белмаг» (Магнитогорск), которое с помощью технологий упрочнения металлов, разработанных учеными Магнитогорского технического университета, производит шаровые опоры и другие комплектующие для всемирно известных автомобильных брендов. По оценкам Сергея Катырина, к успешным предприятиям относится подмосковная компания «Текстиль — М», которой ТПП помогает с поисками финансирования и выходом на зарубежные рынки. Компания уже заняла лидирующие позиции в разработке и производстве огнезащитной спецодежды для предприятий нефтегазовой отрасли, выиграла тендер на поставку своей продукции в Сербию и начала строить там производственную базу с расчетом выйти на европейские рынки.

Дмитрий Завьялов среди компаний, которые добились успеха на международном рынке, называет производителя туннельных микроскопов НТ-МДТ, балетную обувь Grishko, производителя компьютерных игр Alawar, «хотя эти компании давно переросли понятие малого бизнеса».

ПОРТ ДЛЯ РАЗВИТИЯ

ЧАСТНЫЕ ИНФРАСТРУКТУРНЫЕ ПРОЕКТЫ ДВИГАЮТ ЭКОНОМИКУ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ. **НИНА БЛЕЙМАН**

в себе три блока: береговой перевалочный комплекс, гидротехнический комплекс, способный принимать суда дедвейтом до 50 тыс. т (для этого уже построена специальная эстакада, уходящая в море на 2,5 км), и комплекс вспомогательных и инфраструктурных сооружений. К порту проведена железнодорожная ветка длиной 36 км, построена автомобильная дорога (грузопотоки перевалочного комплекса включены Минтрансом в схему развития Таманского транспортного узла в части железнодорожной составляющей). Ввод терминала в эксплуатацию запланирован на 2020 год.

«Проект по вводу в эксплуатацию портового комплекса по перевалке аммиака является одним из магистральных для ТоАЗа. Запуск объекта откроет перед Российской Федерацией новые возможности по расширению своего присутствия на мировых рынках и даст мощный импульс развития Югу России», — отмечает председатель совета директоров «Тольяттиазота» Петр Орджоникидзе. Кроме того, запуск терминала позволит компании снизить зависимость от украинского транзита: сейчас порядка 60% производимого «Тольяттиазотом» аммиака транспортируется по аммиакопроводу Тольятти — Одесса, однако логистический процесс осложняется регулярными конфликтами с украинской стороной из-за тарифов. Таманский проект не только позволит

ФОТО: ПРЕСС-СЛУЖБА

Краснодарский край, самый южный из регионов России, занимает шестое место в стране по объему валового регионального продукта (в 2016 году он составил 2,2 трлн руб.). Базу экономического развития края создают строительный, промышленный, топливно-энергетический, агропромышленный, транспортный и туристический комплексы. Ключевым сегментом транспортного комплекса края являются девять незаемных морских портов, обеспечивающих прямой выход через Азовское и Черное моря на международные внешнеторговые пути. Сейчас на них приходится более 200 млн т грузов в год (около 30% морских российских и транзитных грузов), а также около трети российского нефтеэкспорта.

Краснодарский край стабильно занимает высокие строчки в различных рейтингах инвестиционной привлекательности. Так, в прошлом году он оказался на четвертом месте (максимальный потенциал, минимальный риск) в рейтинге «Инвестиционный климат регионов — 2017» агентства РАЕХ («Эксперт РА»), на седьмом — в Национальном рейтинге состояния инвестиционного климата в субъектах РФ (Агентство стратегических инициатив), на 13-м — в рейтинге инвестиционной привлекательности субъектов РФ (Национальное рейтинговое агентство). По данным администрации региона, в 2010–2017 годах на его территории были реализованы 440 крупных инвестпроектов на общую сумму 525,8 млрд руб., что позволило создать 32,8 тыс. новых рабочих мест; еще 341 проект на 1,5 трлн руб. реализуется в настоящее время.

Ожидается, что в ходе Российского инвестиционного форума в Сочи администрация края представит комплексную стратегию развития региона до 2030 года. По словам губернатора Краснодарского края Вениамина Кондратьева, она станет своеобразным законом, по которому будет жить экономика региона в ближайшие 12 лет. Документ предусматривает создание отраслевых кластеров в рамках семи территориально-экономических зон края (муниципалитеты на форуме представят потенциальным инвесторам 440 предложений).

ГЛУБОКОВОДНАЯ ТАМАНЬ

Одним из важнейших региональных проектов последних лет стало строительство порта Тамань в районе мыса Железный Рог. Тамань обладает уникальными преимуществами в сравнении с другими черноморскими портами благодаря глубоководности (глубина у причалов достигает 18–20 м) и наличию естественного укрытия из-за формы бухты. Порт, способный принимать суда дедвейтом до 160 тыс. т, откроет российским экспортерам доступ ко всей акватории Черного и Средиземного морей, а его географическая близость к Керченскому проливу позволит объединить транспортную инфраструктуру с возводимым мостом в Крым. Кроме того, в отличие от портов Новороссийска и Туапсе, расположенных в черте города, удаленность таманских терминалов от жилых массивов позволяет переваливать опасные и ядовитые грузы, такие как сжиженный газ, мазут и аммиак. Предполагается, что к 2030 году мощность порта должна превысить 100 млн т в год, а вместе с увеличением мощностей портов

Новороссийска (более чем на 20 млн т в год) и Туапсе (на 7 млн т в год) совокупная мощность портов региона вырастет с 231 млн до 383–503,4 млн т.

В феврале 2017 года по распоряжению премьер-министра Дмитрия Медведева территория строящегося порта была расширена для строительства зернового терминала мощностью 14,5 млн т, причального комплекса сжиженных углеводородных газов и технологической эстакады мощностью до 3,5 млн. т в год. Кроме того, на искусственном насыпном участке предполагается построить перевалочную базу крупногабаритных и тяжеловесных грузов мощностью 0,3 млн т в год.

ЭКСПОРТНЫЕ ВОРОТА

Еще один крупный инфраструктурный проект в порту Тамани реализует ведущий российский производитель товарного аммиака «Тольяттиазот». Компания строит терминал, который позволит осуществлять перевалку 2 млн т аммиака и 3 млн т карбамида в год. Она одной из первых начала освоение прибрежного района, приступив к строительству еще в 2003 году, однако в 2005-м проект пришлось законсервировать из-за конфликта с местными властями. В 2015 году, несмотря на продолжающееся судебное разбирательство, возведение терминала было возобновлено. Сейчас объект включен правительством РФ в федеральную целевую программу «Развитие транспортной системы России до 2020 года», схему территориального планирования в области федерального транспорта и в «дорожную карту» развития морских портов в Азово-Черноморском бассейне до 2020 года. Он объединит

компанию нарастить производство аммиака и карбамида, организовать стабильные и ритмичные поставки своей продукции зарубежным потребителям без оглядки на политическую ситуацию на Украине, но и увеличит налоговые поступления в консолидированный бюджет РФ на 5,3 млрд руб. Таким образом, строительство терминала отвечает долгосрочным интересам ТоАЗа, региона и всей страны, подчеркивают в компании. «Создание независимых от внешних партнеров экспортных ворот даст «Тольяттиазоту» возможность значительного увеличения своего экономического потенциала и диверсификации бизнеса. Одновременно портовая инфраструктура создаст новые рабочие места в важном для Краснодарского края секторе и увеличит финансовые поступления в краевой бюджет. ТоАЗ напрямую вкладывает в инфраструктуру проекта более \$300 млн частных инвестиций, что может рассматриваться как положительный кейс и пример для работы других участников рынка», — говорит Петр Орджоникидзе. По оценке компании, дополнительные поступления в бюджет Краснодарского края составят 2 млрд руб., будет создано 1,5 тыс. новых рабочих мест.

В «Тольяттиазоте» заверяют, что уделяют особое внимание вопросам социальной и экологической безопасности, минимизируя негативное воздействие комплекса на окружающую среду с соблюдением российских и международных норм и требований в области промышленной безопасности. Руководство компании также рассматривает возможность строительства третьей очереди комплекса с увеличением грузооборота до 13 млн т в год.

ОЦИФРОВАННЫЕ КИЛОВАТТЫ

ДИДЖИТАЛИЗАЦИЯ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ РОССИИ ОСОБЕННО АКТУАЛЬНА ИЗ-ЗА МАСШТАБОВ ИЗНОСА ИНФРАСТРУКТУРЫ И ОБОРУДОВАНИЯ. **КОНСТАНТИН АНОХИН**

50%

может составить рост мирового потребления электроэнергии к 2035 году, по прогнозам МЭА

Доля городского населения в мире стремительно растет: рубеж в 50% был преодолен еще в 2012 году, и ожидается, что скорость урбанизации будет только увеличиваться. Соответственно, формируется запрос на переход к городской энергетике нового поколения: с высокой концентрацией мощностей на небольшой площади, запасом прочности, приемлемой ценой присоединения к инфраструктуре и дифференцированной стоимостью электроэнергии для разных групп потребителей. В России вопрос такого «энергетического перехода» стоит особенно остро из-за изношенности инфраструктуры и оборудования. Более 50% активов сетей Единой национальной электрической сети имеют сверхнормативный срок эксплуатации — более 25 лет, а износ электроэнергетических систем в РФ, по разным данным, составляет от 50 до 70%, отмечает директор Deloitte в СНГ Александр Губарев.

ЭНЕРГЕТИКА НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ

По данным Международного энергетического агентства (МЭА), электроэнергетика является источником 42% антропогенных выбросов парниковых газов и существенным загрязнителем атмосферы. Поэтому будут расти потребности именно в экологических энергетических решениях.

Кроме того, к электроэнергии как товару с каждым годом будут предъявляться все более жесткие требования, связанные с развитием в современных городах цифровых систем, аддитивных и высокоточных производств, обладающих высокой чувствительностью к надежности энергоснабжения. К 2030 году, как ожидается, такие «капризные клиенты» будут потреблять до 30% электроэнергии.

По прогнозам МЭА, к 2035 году потребителями электроэнергии дополнительно станут порядка 4 млрд человек, не имеющих в настоящее время доступа к ней, и 1,6 млрд человек — за счет прироста населения в мире. С учетом этих прогнозов потребление электроэнергии на планете вырастет на 40–50%, а ее география сильно изменится.

Таким образом, понятие «энергетический переход» включает в себя как удешевление новых технологий для использования возобновляемых источников энергии (ВИЭ), так и оцифровку процессов в электроэнергетической отрасли, в частности распространение цифровых сетей и интеллектуальных систем управления, в результате чего сетевая инфраструктура преобразуется в новую платформу для гибкого и эффективного обеспечения потребителей.

«Цифровизация традиционной электроэнергетики уже идет по всему миру, этот процесс обусловлен бурным ростом цифровых технологий, которые проникают во все секторы экономики», — уверен старший аналитик Энергетического центра бизнес-школы «Сколково» Юрий Мельников. По его мнению, этот процесс можно разделить на два уровня. На первом уровне цифровые технологии позволяют собирать и анализировать огромные объемы данных, на основании которых можно более эффективно управлять отдельными объектами и работой всей энергосистемы — например, предсказывать аварии и превентивно делать ремонты; контролировать в реальном времени показатели эффективности и выявлять причины отклонения, контролировать потери, быстро находить и локализовать места повреждений. «Все это в «доцифровую» эру было практически невозможно. Без это-

го можно обойтись, но часто такие решения реально позволяют поднять эффективность даже старых технологий традиционной электроэнергетики», — добавляет эксперт.

Второй уровень цифровизации связан с развитием возобновляемых источников энергии, появлением накопителей энергии, агрегаторов спроса и так далее. Энергосистема серьезно усложняется, управлять ею становится труднее, поэтому всеобщая системная цифровизация становится безальтернативной.

Как полагает Александр Губарев, трудности в нашей стране могут возникнуть из-за отсутствия высокотехнологичного оборудования и инфраструктуры, недостаточности инвестиций в модернизацию существующих мощностей. Также, по его словам, потребуется переобучение персонала, так как цифровая энергетика требует существенных знаний и опыта в ИТ, облачных технологиях, каналах передачи данных.

МНОГОУРОВНЕВЫЙ «ЭНЕРГОПЕРЕХОД»

Несколько оптимистичнее смотрит в будущее цифровой электроэнергетики Юрий Мельников. По его сведениям, многие компании уже внедряют у себя наиболее эффективные цифровые технологии с минимальными сроками окупаемости. Однако он признает, что предпосылок для дальнейшего развития цифровизации нет, пока отсутствуют широкое распространение распределенной генерации, недостаточно развивается отрасль ВИЭ, нет управления спросом и эффективных накопителей энергии.

«Значительные результаты в повышении эффективности использования электроэнергии и улучшения экологии могут быть достигнуты за счет использования передовых энергоэффективных решений и технологий,

объединенных в интеллектуальные сети (Smart Grid), — говорит директор подразделения «Интеллектуальные системы энергоучета» компании Honeywell в России и СНГ Юрий Иванов. — Энергоэффективность отрасли при этом в значительной мере может быть достигнута за счет слияния коммуникационных и электрических сетей. Источниками первичной информации в такой сети служат интеллектуальные счетчики (Smart Metering) и датчики, объединенные в единую сеть, которая образует так называемый интернет вещей (англ. Internet of Things — IoT)».

По его словам, с внедрением новейших технологий в традиционную иерархию рынка электроэнергии «производство — передача — сбыт» придет система автоматического контроля в режиме реального времени. «Внедрение IoT позволит преобразить электроэнергетику и существенно повысить эффективность и надежность инфраструктуры, а также сократить расходы как производителей электроэнергии, так и ее потребителей», — добавляет эксперт.

Однако, по оценке Юрия Мельникова, интернет вещей играет определяющую роль только на таком уровне цифровизации энергетики, когда возникает необходимость организовать автоматическое взаимодействие между всеми субъектами электроэнергетического рынка (как конечными потребителями любого размера, так и между энергообъектами) в реальном времени. Конечной целью здесь выступает свободный обмен энергией между субъектами, «совокупность электрических и цифровых каналов коммуникации и протоколов, которые позволяют это организовать, иногда называют интернетом энергии», заключает он. Но это в России дело не сегодняшнего и даже не завтрашнего дня.

«БУДУЩЕЕ СЕЙСМОРАЗВЕДКИ — В ИСПОЛЬЗОВАНИИ НЕВЗРЫВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ»

О СНИЖЕНИИ НАГРУЗКИ НА ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ И ПЕРСПЕКТИВАХ РЫНКА СЕЙСМОРАЗВЕДОЧНЫХ РАБОТ РБК+ РАССКАЗАЛ ПРЕЗИДЕНТ КОМПАНИИ «ГЕОТЕК СЕЙСМОРАЗВЕДКА» **ВЛАДИМИР ТОЛКАЧЕВ**

— Позволяют ли современные технологии, оборудование вести сейсморазведку безопасными для окружающей среды способами? Каким вы видите будущее сейсморазведки?

— Технологическое развитие сейсморазведочной отрасли, изменение законодательства и требования ключевых недропользователей диктуют необходимость внедрения low impact seismic (сейсморазведка минимального воздействия на окружающую среду). «Зеленая» сейсмика является неотъемлемой частью этого тренда развития отрасли. Понятие «зеленая» сейсмика» включает резкое повышение природоохранных требований к производству полевых сейсморазведочных работ.

Не претендуя на полный охват всех перспективных направлений экологически инновационных технологий, упомяну о бескабельных системах регистрации, позволяющих в беспроводном режиме получать сейсмоданные. ГЕОТЕК имеет значительный опыт выполнения работ с системами UNITE (Sercel), RT System (Wireless Seismic), подтвердивших перспективность применения бескабельных технологий в непроходимой сибирской тайге, в которой практически не производится рубка леса. Отмечу также, что наши невзрывные источники возбуждения сейсмических волн «Енисей» надежно и эффективно заменяют традиционные буровзрывные работы. Бескабельные системы наблюдения позволяют минимум на треть сократить объемы рубки. К сожалению, сдерживающим фактором широкого внедрения таких систем является ежедневная атрибутивная приемка сейсмоданных, так как подавляющее большинство систем предназначено для работы в «слепом» режиме и проблема ежедневного считывания данных сводит на нет их преимущества. Это направление к тому же хромает из-за отсутствия компактных источников возбуждения сейсмических волн необходимой мощности. Кстати, о самих источниках. Традиционные требования заказчиков проводить сейсморазведку буровзрывным источником (с их применением сегодня выполняется порядка 60% всей наземной сейсморазведки) искусственно сдерживают развитие технологии использования источников невзрывного типа, к которым относится «Енисей». Вне всякого сомнения, дальнейшее развитие сейсморазведки (с учетом необходимости повышения ее экологичности) невозможно без резкого увеличения доли работ с использованием невзрывных источников, несмотря на все декларируемые сегодня преимущества буровзрывного метода возбуждения.

— Вы пришли компанию под свое руководство более полугодом назад в состоянии, близком к банкротству. Какие меры из принятых вами и вашей командой оказались

ФОТО: ПРЕСС-СЛУЖБА

наиболее эффективными для стабилизации финансового положения?

— Действительно, по итогам сезона 2016/17 года ПАО «ГЕОТЕК Сейсморазведка» имело критическую с точки зрения обслуживания финансовую нагрузку, включая долги перед банками и держателями облигаций на уровне 20 млрд руб., а долги по налогам составляли 2 млрд руб. Проблем у компании было более чем достаточно: судебные разбирательства в регионах присутствия, нежелание людей работать, отсутствие заказов на сейсморазведочные работы. Существовали различные варианты решения судьбы ГЕОТЕКа — вплоть до банкротства и распродажи активов в виде зданий, техники. В июне 2017 года мне доверили возглавить ГЕОТЕК, куда я привел новую команду, состоящую из геологов, геофизиков, экономистов, юристов, для непростой работы по возрождению компании. Все эти люди — профессионалы своего дела, имеющие опыт и уникальные знания, нацеленные на работу для сохранения лидирующих позиций компании на рынке геофизических услуг. Вопросы необходимо было решать сразу по нескольким направлениям. Среди них приоритетные — получение заказов под новый сезон, финансовая стабилизация и изменение системы управления бизнесом. В кратчайшие сроки была сформирована контрактная

база на сезон в размере 18 млрд руб., а общий портфель заказов составил 27 млрд руб. Однако это далеко не предел. Компания планирует наращивать свое присутствие в ключевых регионах сейсморазведочных работ. При поддержке банка «ФК Открытие» мы провели реструктуризацию финансовой и налоговой задолженности, что обеспечило ритмичное сезонное финансирование полевых работ. На данный момент банк «ФК Открытие» является нашим основным финансовым партнером, деловое сотрудничество с ним дает основание уверенно гарантировать успешную сдачу всех начатых проектов текущего сезона с перспективой их роста в сезоне 2018/19 года. Реализация экономической модели развития компании на 2017–2025 годы позволит не только нарастить финансовый результат до 5 млрд руб. по показателю EBITDA и обеспечить положительную чистую прибыль для акционера компании, но также стать весьма привлекательным активом для инвесторов.

— Какова динамика спроса на услуги сейсморазведки со стороны нефтегазовых компаний? Меняется ли качество спроса — например, растет ли интерес к более сложным исследованиям?

— После глубокого спада в 2014–2016 годах наметился некий положительный тренд со стороны недрополь-

«ВСЕ НЕФТЕГАЗОНОСНЫЕ ПРОВИНЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ — ДЛЯ НАС СТРАТЕГИЧЕСКИ ПРИОРИТЕТНЫЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ РЫНКИ. ЗА РУБЕЖОМ НА ДАННОМ ЭТАПЕ НАИБОЛЕЕ ВАЖНЫМ НАПРАВЛЕНИЕМ СЧИТАЕМ ТУРКМЕНИСТАН, УЗБЕКИСТАН И АЗЕРБАЙДЖАН»

зователей в части спроса на поисково-разведочные работы, в том числе и сейсморазведку. Интерес к более сложным исследованиям, безусловно, растет. Нефтегазодобывающие предприятия по мере увеличения объемов сейсморазведочных работ все острее ощущают необходимость повышения точности, достоверности результатов исследований.

— Какой рынок вы считаете для себя стратегическим? Какие заказчики интересуют за пределами России?

— По большому счету все нефтегазоносные провинции Российской Федерации являются для нас стратегически приоритетными региональными рынками. Уникальность компании состоит в том, что работы выполняются во всех нефтегазовых субъектах Российской Федерации для широкого круга недропользователей. Компания постоянно ведет мониторинг сейсморазведочных работ за рубежом, наше внимание привлекают такие регионы, как Юго-Восточная Азия, Индия, зона Персидского залива, Западная Африка и Южная Америка. Однако приоритетным направлением на данном этапе считаем страны ближнего зарубежья: Туркменистан, Узбекистан и Азербайджан.

В 2014 году был запущен российско-казахстанский проект «Евразия», в рамках которого можно будет бурить сверхглубокие скважины для добычи углеводородов в районе прикаспийской впадины. Учитывая, что «ГЕОТЕК Сейсморазведка» выполняет стратегически важную в масштабах всей страны задачу по воспроизводству минерально-сырьевой базы, мы проявили инициативу по созданию совместно с геологическим институтом РАН предприятия «ГИНРАН ГЕОТЕК Евразия» для изучения перспективных геологических трендов прикаспийского региона в сотрудничестве с коллегами из Казахстана, а в дальнейшем и с другими государствами, прилегающими к региону. К тому же в Казахстане давно и успешно работает наше дочернее предприятие «Азимут Энерджи Сервисес».

← Начало на с. 1

талов 2017 года, отмечают аналитики RAEX.

ЛИДЕРЫ И АУТСАЙДЕРЫ

Регионы развиваются крайне неравномерно. По данным НРА, в прошлом году продолжился обозначенный в 2016-м рост диспропорций — усиление лидерских позиций успешных территорий и ухудшение положения аутсайдеров.

Самая большая группа (33 региона) — территории со «средней инвестиционной привлекательностью». В этой группе свои позиции улучшили, например, Приморский край, Ростовская, Ярославская, Ульяновская, Пензенская и Костромская области. Еще 27 регионов страны считаются умеренно привлекательными для инвестиций — на их долю приходится менее 2% иностранных инвестиций и менее 9% объема инвестиций в основной капитал. При этом почти в 40% (11 регионов) этой группы иностранных инвестиций нет совсем. К «умеренным» в результате снижения рейтинга, например, примкнули Омская и Орловская области. НРА также включило в эту категорию Крым и Севастополь.

Регионами с «высокой инвестиционной привлекательностью» в 2017 году были признаны 25 субъектов Федерации. На их долю приходится около 86% общероссийского притока прямых иностранных инвестиций и 65% суммарного объема инвестиций в основной капитал, ссылаются аналитики НРА на данные Банка России и Росстата. Ненецкий, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа получили высокий статус благодаря ценным нефтегазовым ресурсам и развитым технологиям добычи, транспортировки и переработки нефти. В список лидеров вошли также Воронежская, Нижегородская, Тульская и Амурская области.

Агломерационный эффект, отмечают аналитики RAEX, позволил экономическим центрам страны первыми почувствовать улучшение. «Выход потребителя из комы, когда тратам предпочитают сбережение или экономии, в больших городах происходит раньше», говорится в комментариях к исследованию. 12 из 17 регионов, в состав которых входят города-миллионники (там такие процессы более заметны), улучшили свои показатели интегрального риска. Ленинградская область, в частности, поднялась на три позиции, Новосибирская — на шесть, Волгоградская — на десять, а Московская — на четыре.

По мнению президента общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «Опора России» Александра Калинина, успех региона во многом зависит от ответственности местных властей, губернаторов; он напомнил, что первый премьер-министр Сингапура лично участвовал в создании «сингапурского чуда».

ФОТО: АРТУР ЛЕБЕДЕВ/ТАСС

Участники форума могут совместить деловые встречи с отдыхом — Сочи предоставляет для этого много возможностей, в том числе в Красной Поляне

И у нас есть свои новаторы. В Тюменской области, приводит пример Александр Калинин, в числе первых была создана «система сквозной ответственности» на уровне региона и муниципалитета: за инвестиции на территории в целом отвечает вице-губернатор, а у каждого мэра есть заместитель по вопросам привлечения инвестиций. Согласно рейтингу НРА, этот регион сохранил позицию высокопривлекательного для инвестиций без учета ресурсов Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, показатели которых с 2017 года стали учитываться отдельно. В рейтинге АСИ по итогам прошлого года Тюменская область занимает шестое место в топ-20 регионов-лидеров. По данным НРА, регион входит в группу «высокой инвестиционной привлекательности». А RAEX дает оценку региону как территории хотя и с пониженным потенциалом, но с минимальным риском для инвесторов.

И все же ни один фактор сам по себе не может выступить в роли лифта для подъема в рейтинге. Например, в Ульяновской и Вологодской областях, говорит Александр Калинин, губернаторы лично контролируют адекватность административной нагрузки на бизнес. Однако оба региона в рейтинге НРА названы среднепривлекательными; они характеризуются пониженным потенциалом и умеренным риском в рейтинге RAEX. По данным АСИ, Ульяновская область в рейтинге занимает десятое место в списке лидеров.

КАДРОВЫЙ ВОПРОС

В последние два года произошла массовая смена региональных руководителей. Посты покинули главы Бурятии, Адыгеи, Дагестана, Удмуртии, Марий Эл и Карелии, Пермского, Приморского, Забайкальского, Ненецкого и Краснояр-

ского краев, Новгородской, Рязанской, Орловской, Самарской, Новосибирской, Омской, Ивановской, Псковской, Калининградской и Тверской областей. Почти в двух третях этих регионов показатели социальных, финансовых и экономических рисков по итогам 2014–2016 годов были заметно хуже средних. Очевидно, что и по этой причине показатель управленческого риска по итогам 2017 года сократился лишь на 1,2%.

Предсказуемость экономической политики государства и поведения региональных властей — очень серьезный фактор, уверен ведущий научный сотрудник лаборатории анализа институтов и финансовых рынков Института прикладных экономических исследований РАНХиГС Юрий Симачев. По его словам, смена власти снова заставляет бизнес задуматься, что будет с налоговой нагрузкой, проверками, насколько будет комфортно работать в том или ином регионе. Кроме того, по мнению Юрия Симачева, для сокращения разрыва между регионами-лидерами и аутсайдерами предстоит найти эффективную схему взаимодействия с центром, где консолидируются ресурсы.

Эксперты сходятся во мнении, что одним из главных драйверов роста регионов становится агропромышленный комплекс (АПК). «Несмотря на ценовую волатильность на мировых рынках, спрос на продовольствие растет, следовательно, будут расти и инвестиции в сельхозпроизводство», — отмечают в RAEX. Этой точки зрения придерживается и Юрий Симачев: «Для России не столько «Индустрия 4.0» будет иметь значение, сколько инновационное сельское хозяйство и биотехнологии». В сфере АПК, по его словам, есть и резерв для рывка в применении цифровых технологий, и потенциал экспорта. Напомним, что в 2016 году российское правительство одним из приоритетов обозначило развитие экспорта продукции АПК. Планируется, что к 2020 году наша страна будет вывозить агропродукции на \$21,4 млрд (в 2016-м — на \$17 млрд), а к 2025 году — на \$30 млрд. Иностранцам инвесторам в России будут интересны преимущественно проекты, завязанные на экспорт, отмечает начальник управления операций на российском фондовом рынке ИК «Фридом Финанс» Георгий Вашченко.

В ФОКУСЕ ФОРУМА

Российский инвестиционный форум — 2018 проходит в Сочи 15–16 февраля. Организаторы называют его традиционной площадкой для презентации инвестиционного и экономического потенциала России.

В этом году в фокусе внимания участников форума социально-экономическое развитие регионов, новые индустриальные модели, в основе которых контрактное производство и межрегиональная кооперация, инструменты поддержки экспорта продукции агропромышленного комплекса, привлечение инвестиций в инновационный сектор и другие темы. Особо выделен раздел «Человеческий капитал — основа экономики будущего на Дальнем Востоке».

Представители регионального бизнеса обсудят вопросы, связанные с инфраструктурной ипотекой, инновационными кластерами, механизмом краудфандинга, цифровой энергетикой, экспортом продукции и услуг предприятий малого и среднего бизнеса, другие актуальные темы.

«РОССИЙСКИЙ ИНВЕСТИЦИОННЫЙ ФОРУМ — 2018» (18+)

Тематическое приложение к «Ежедневной деловой газете РБК»
Является неотъемлемой частью
«Ежедневной деловой газеты РБК» № 028 (2752) от 15 февраля 2018 г.
Распространяется в составе газеты
Материалы подготовлены редакцией партнерских проектов РБК+
Партнеры: ПАО «ГЕОТЕК Сейсмозащита», ПАО «Тольяттиазот».
Реклама

Учредитель: ООО «БизнесПресс»
Издатель: ООО «БизнесПресс»
Директор ИД РБК: Ирина Митрофанова
Главный редактор партнерских проектов РБК+:
Наталья Кулакова
Шеф-редактор печатной версии РБК+:
Юрий Львов

Редактор РБК+ «Российский инвестиционный форум — 2018»:
Юлия Панфилова
Выпускающий редактор: Андрей Уткин
Дизайнер: Дмитрий Иванов
Фоторедактор: Алена Кондюрина
Корректоры: Татьяна Поленова, Маргарита Тарасенко
И.о. главного редактора газеты: Игорь Игоревич Тросников

Рекламная служба: (495) 363-11-11, доб. 1342
Коммерческий директор издательства РБК: Анна Брук
Директор по продажам РБК+: Евгения Карлина
Директор по производству:
Надежда Фомина

Адрес редакции: 117393, Москва, ул. Профсоюзная, 78, стр. 1

РЕЗИДЕНТЫ ПРОЯВЛЯЮТ ОСТОРОЖНОСТЬ

КАК ЧИТАТЬ ОТЧЕТНОСТЬ ПО ИНОСТРАННЫМ ИНВЕСТИЦИЯМ НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ. **ЕВГЕНИЙ АРСЮХИН**

ФОТО: ВИТАЛИЙ АНЬКОВ/РИА НОВОСТИ

На Дальний Восток приходится 26% всех прямых иностранных инвестиций, привлеченных Россией в прошлом году, отмечал в интервью РБК вице-премьер — полпред президента РФ в Дальневосточном федеральном округе (ДФО) Юрий Трутнев. При этом в регионе проживает лишь 4,2% населения страны, подчеркнул Трутнев.

В то же время эксперты указывают, что иностранные инвесторы сталкиваются в регионе с трудностями и рисовать ситуацию исключительно в радужных тонах не стоит.

МАГИЯ ЦИФР

Прямые иностранные инвестиции в Россию в 2017 году составили \$20–25 млрд, заявил недавно глава Минэкономразвития Максим Орешкин (точной цифры по итогам года пока нет, в статистических таблицах на сайте ЦБ данные обрываются на июле 2017-го). Министр подчеркнул, что этот показатель достигнут с очень низкой базы. «У нас было менее \$20 млрд прямых иностранных инвестиций в 2015 году, в 2016 году был почти коллапс, в 2017 году такие инвестиции составили порядка \$20–25 млрд», — заявил он, выступая на форуме в Давосе.

По данным ЦБ, которые опубликованы к моменту сдачи этого материала в печать, во втором квартале 2017 года сальдо прямых иностранных инвестиций по всей России составило \$12,49 млрд, из этой цифры на ЦФО пришлось \$8,3 млрд, на Дальневосточный округ — \$2,3 млрд, причем в ряде округов (Северо-Западном, Северо-Кавказском) наблюдался чистый отток инвестиций, а во многих регионах их приток был незначительным.

Четверть всех привлеченных Россией иностранных инвестиций пришла на Дальний Восток, но на самом деле это не «прорыв» 2017 года. Такая же доля (23%) наблюдалась в 2014 году, а в 2016-м она была даже больше (31%). Впрочем, в 2011 году доля Дальнего Востока составляла всего 2%. Но тогда, до санк-

ций, и общие объемы инвестиций были другими (в 2011 году — \$55 млрд на всю Россию). С тех пор, во-первых, начались санкции, и объем инвестиций упал. Во-вторых, очевидно, сработал анонсированный властями России «поворот на Восток», поскольку с 2011 года все-таки выросла не только доля Дальнего Востока в общем объеме привлеченных РФ инвестиций, но и абсолютная цифра (в 2001-м она составляла \$0,95 млрд).

САХАЛИН ШАГАЕТ ВПЕРЕДИ

Впрочем, при анализе распределения инвестиций по субъектам Федерации выясняется, что огромную долю успеха ДФО обеспечила одна Сахалинская область — \$2,1 млрд. Магаданская область показала чистый отток, другие регионы — небольшой прирост или, как Еврейская АО, нули по всем позициям (поступило — изъято — сальдо).

Как Сахалин в одиночку обеспечил динамику привлечения инвестиций всему округу?

Инвестиции пришли, собственно, в один «куст» проектов. «В основном эти средства вкладываются в рамках крупных международных нефтегазовых проектов «Сахалин-1» и «Сахалин-2», — говорил осенью в интервью областной министр экономического развития Сахалинской области Алексей Белик. — Среди инвесторов — компании ExxonMobil, ONGC, Sodeco, Shell, Mitsui и Mitsubishi. Разработка месторождений углеводородов ведется на основе соглашений о разделе продукции».

Интересная статистика поступает из Еврейской автономной области. Минвостокразвития ставит регион в пример: по итогам десяти месяцев 2017-го рост промышленного производства составил 45,7% — это абсолютный рекорд по всем субъектам РФ. Причины в крайне низкой базе и в запуске единственного предприятия — Кимкано-Сутарского ГОКа (проект компании «Петропавловск — Черная металлургия»), сказано в бюллетене о текущих тенденциях российской экономики, выпускаемом Аналитическим центром при правительстве РФ. Компания со-

общает о техническом сотрудничестве с China National Electric Engineering Corporation, но сам проект обошелся без иностранных инвестиций.

КИТАЙСКАЯ СКРОМНОСТЬ

Крупнейший инвестор, внимания которого хватило бы для развития Дальнего Востока России, — Китай находится «в шаговой доступности». КНР инвестирует за рубеж \$2 трлн в ближайшие 15 лет, говорил в декабре замруководителя Центра исследований проблем развития при Госсовете КНР Ван Имин. В 2016 году (за прошлый год статистики пока нет) иностранные инвестиции Китая достигли \$170 млрд. Объем накопленных прямых инвестиций из КНР в РФ составляет \$8 млрд, говорилось в декабрьском докладе Центра интеграционных исследований Евразийского банка развития. В основном средства привлекала приватизация «Роснефти».

Глава Минвостокразвития Александр Галушка оценивал вложения Китая в 15% от всех (не только иностранных) инвестиций в ДФО. Оперировать этой цифрой трудно; не все регионы публикуют достаточно полную статистику в страновом разрезе, а там, где она опубликована, цифры не впечатляют (например, Хабаровский край привлек \$26 млн прямых инвестиций из КНР в 2017 году, по оценке краевых властей). Складывается впечатление, что Китаю Дальний Восток как объект прямых инвестиций пока не очень интересен. Если доля всех стран АТР в прямых инвестициях в РФ составляет 43% (данные за 2016 год), то на Дальний Восток приходится всего 1%.

НЕБЫСТРАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

«Поворот на Восток» принято отсчитывать от Послания президента Федеральному собранию 2013 года. Началось создание инструментов и институтов развития — территорий опережающего развития (ТОР), свободного порта Владивосток, Фонда развития Дальнего Востока и т.д.

Регионы Дальнего Востока пока не попадают в топ-20 рейтинга инвести-

ционной привлекательности Агентства стратегических инициатив (АСИ). Незрелость инфраструктуры, трудности с обеспечением намеченных проектов электроэнергией и газом, недостаточное число самих проектов, «упакованных» по понятным инвесторам правилам, — таковы факторы, которыми руководители регионов ДФО объясняют низкие позиции в рейтинге.

«Налог на прибыль у нас должен быть не более 11%, как в Республике Корея, страховые взносы — не более 10%, как в Японии. Сроки получения разрешения на строительство — не более 26 дней, как в США, а таможенные процедуры — как в Сингапуре», — описывал условия для привлечения инвесторов Александр Галушка.

Вроде так и получается, например, что для резидентов ТОР страховые взносы — 7,5%, но важны детали. Инвесторы жалуются, что налоговые льготы включаются «не вовремя»: например, льгота может отсутствовать на наиболее критичных стадиях развития предприятия, когда оно уже работает, а прибыли еще нет. Региональные власти призывают крупных инвесторов решать такие вопросы с ними в ручном режиме.

О том, что ручной режим, к сожалению, преобладает, говорил в интервью РБК Юрий Трутнев: 15–20% площадок ТОР неэффективны, Трутнев не исключает, что сам режим ТОР может быть ликвидирован.

«Отсутствие иностранных инвестиций объясняется нехваткой проектов, которые имели бы четкую, прозрачную структуру. Интерес ограничивают риски (в основном предполагаемые, а не реальные), связанные с международными санкциями, а также с российской судебной системой. В горнодобывающей и геолого-разведочной промышленности законодательство о добыче полезных ископаемых воспринимается чрезмерно регулируемым и имеющим архаичную структуру (кстати, что характерно и для многих других индустрий), что заставляет инвесторов сомневаться в надежности долгосрочного владения лицензиями на поиск и оценку месторождений, а также на разведку и добычу полезных ископаемых», — говорит главный исполнительный директор компании Tigers Realm Coal Питер Балка. Топ-менеджер знает, о чем говорит: его компания активно работает в регионе, управление осуществляется при содействии акционеров из Австралии и Азии, а также при поддержке российских инвестиционных фондов, в том числе Российского фонда прямых инвестиций.

Директор Центра социальных инноваций Юрий Коломейцев рассказывает, что он много раз наблюдал одну и ту же картину: инвесторы обивают пороги ведомств, там никто толком не знает, что с ними делать, и те уезжают домой. Эту проблему почти теми же словами еще в 2005 году описывал тогдашний министр экономического развития Герман Греф во время своего дальневосточного турне. На Дальнем Востоке многое меняется, но просто спустить сверху единый для регионов алгоритм работы с инвесторами, как и выработать его на местах, пока не получается.

УГОЛЬ, ЗОЛОТО, ЭНЕРГИЯ

ЧУКОТКА НЕПЛОХО ПРИВЛЕКАЕТ ИНВЕСТИЦИИ, НО СТОЛКНУЛАСЬ С ПАДЕНИЕМ НАЛОГА НА ПРИБЫЛЬ. ЧТО ПРОИСХОДИТ В САМОМ ОТДАЛЕННОМ ОТ МОСКВЫ РЕГИОНЕ РОССИИ?

РОСТИСЛАВ ТУРОВСКИЙ, АЛЕКСЕЙ МОРОЗОВ

ФОТО: КОНСТАНТИН ЧАЛАБОВ/РИА НОВОСТИ

В 2017 году Чукотка впервые попала в Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ Агентства стратегических инициатив (АСИ), до этого показатели региона оценивались вне рейтинга. Хотя Чукотка заняла в рейтинге, что неудивительно для новичка, скромное 84-е место, по многим показателям она попала в группу А, то есть продемонстрировала высокую динамику улучшений. В рейтинге политической устойчивости фонда «Петербургская политика» регион уже несколько лет показывает едва ли не лучшие результаты на Дальнем Востоке. Так, в последнем рейтинге Чукотка набрала 8,3 балла из десяти возможных, это шестое место по всей России; из других регионов Дальнего Востока в лидирующей группе только Магаданская область с восемью баллами.

НАДЕЖДА НА TOP

Будучи самым отдаленным от столицы субъектом Федерации, Чукотка обладает высоким ресурсным потенциалом. Инфраструктурные ограничения сдерживают темпы социально-экономического развития. Но в сфере регионального законодательства, создания механизмов защиты и поддержки инвесторов, организации каналов прямой связи инвесторов с руководством субъекта регион уже осуществил необходимые реформы, и результаты налицо, отмечает вице-губернатор Чукотского АО Алеся Калинова.

Одним из важнейших инструментов для привлечения инвестиций руководство региона рассматривает территорию опережающего развития (ТОР) «Беринговский». Она работает с 2015 года, в ней зарегистрированы 24 резидента, общая стоимость проектов — 15,3 млрд руб. ТОР планирует создать 1,19 тыс. новых рабочих мест, что очень серьезно для региона с насе-

лением менее 50 тыс. человек. На этой территории помимо традиционных для региона добывающих проектов (уголь, газ, золото) реализуются проекты по переработке рыбы, производству электроэнергии, в сфере логистики, сельского хозяйства, образования.

Сегодня Чукотка — регион с самым значительным во всей России присутствием австралийских компаний. Самый яркий пример — компания «Берингпромуголь», которая входит в структуры австралийской Tigers Realm Coal. Она обеспечила рост добычи угля в 2017 году на 55% год к году, до 257,6 тыс. т. Компания экспортирует уголь в регионы АТР, планируемый объем экспорта к 2022 году — 1 млн т. «Дочкой» австралийского инвестора выступает и порт Угольный, который стал судоремонтным и логистическим кластером региона; в прошлом году его грузооборот составил 5,067 млн т.

ЗОЛОТО НЕ БЛЕСНУЛО

В более традиционной для Чукотки сфере добычи цветных металлов, и особенно золота, перемены еще впереди. Началось освоение Баимской рудной зоны с ресурсным потенциалом 27 млн т меди и 2 тыс. т золота, но в целом в регионе пока доминирует традиционная золотодобыча со всеми ее издержками и проблемами (высокая потребность в инвестициях для обновления оборудования, раздробленность добытчиков и т.д.).

В прошлом году добыча упала на 13,1% по сравнению с 2016 годом, в том числе на предприятиях канадской Kinross Gold — на 16,8%, в ООО «ЗК Майское» (собственник — Polymetal) — на 15,7%, но это было плановое и ожидаемое снижение в связи с тем, что резкий рост добычи произошел в предыдущие годы. Новые перспективы отрасли власти связывают с запуском режима ТОР; так, на ТОР «Беринговский» компания «Канчалано-Амгуэмская площадь»

уже начала промышленную добычу на участке «Горный». Здесь работают более 40 сотрудников, при полном запуске добычи будет создано 312 новых рабочих мест. Ожидается, что общая сумма инвестиций в проект составит около 2,5 млрд руб.

ПЛАВУЧАЯ АЭС — ПЕРВАЯ В МИРЕ

Одним из самых серьезных ограничений развития региона эксперты называют слабость энергетики, ее изолированность от федеральной энергосистемы. Один из масштабных проектов, призванных решить проблему, — строительство энергомоста Магадан — Чукотка. Это позволит обеспечить электроэнергией новые инвестиционные проекты, в первую очередь Баимское месторождение и ряд расположенных неподалеку предприятий. Энергомост — часть проекта развития Чаун-Билибинского энергоузла, включающего в себя и ввод первой в мире плавающей атомной теплоэлектростанции «Академик Ломоносов», которую планируют пришвартовать в городе Певек на Чукотке в 2019 году. На днях стало известно, что станцию, строящуюся на Балтийском заводе в Санкт-Петербурге, застраховали на 21,7 млрд руб. до 1 июня 2019 года, то есть до окончания строительства и транспортировки.

Чтобы проекты в сфере энергетики состоялись, необходимо было добиться снижения тарифа на электроэнергию для промышленных потребителей. На Чукотке запланировано наибольшее снижение тарифа — на 68,6%. Снижение тарифов будет обеспечено за счет надбавки к цене на мощность в первой и второй ценовых зонах. Распорядителем средств выступает «РусГидро». По выкладкам ФАС базовый уровень, до которого будут доведены тарифы для промышленных потребителей Дальнего Востока, составит 3,19 руб. за киловатт-час против нынешних 3,34–9,2 руб. Дополнительная нагрузка на промышленных

потребителей первой и второй ценовых зон оценивается в 29,5 млрд руб.

Льготные тарифы, высокие цены

Для населения Чукотка — по-прежнему едва ли не самый дорогой регион страны. Стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг здесь почти в четыре раза выше, чем по России в целом, хотя уровень зарплат лишь в два с половиной раза выше среднероссийского. Поэтому Чукотка продолжает практику субсидирования продуктов питания: 25 товарных позиций продовольствия закупается за счет регионального бюджета и реализуются по фиксированным ценам, бюджет тратит на это 450 млн руб. ежегодно. Помимо этого действует ограничение максимальной торговой надбавки на ряд товаров, например по хлебу — не выше 15%.

В этом году не будет повышен тариф на электроэнергию для населения, по другим коммунальным услугам рост составит 4%. Чукотка традиционно находится в числе регионов с максимальным уровнем субсидирования, население платит лишь 16% от реальной стоимости электроэнергии и услуг ЖКХ.

Серьезной проблемой для социальной сферы оказались не самые благоприятные итоги 2017 года, недополучение налогов может затруднить финансирование объектов социальной инфраструктуры. Объем промышленного производства в 2017 году снизился на 8,3% по отношению к предыдущему году в основном за счет падения добычи цветных и редких металлов (на 12,7%).

Существенно сократилось поступление налога на прибыль. В среднем снижение поступлений от этого налога на Дальнем Востоке составило 32,7%, но в ряде регионов, например в Приморье, поступления выросли на 11,8%. Сыграло роль и изменение порядка зачисления налога на прибыль организациями, работающими по соглашениям о разделе продукции, — доля отчислений в бюджеты регионов упала с 80 до 75%.

При этом Чукотке удалось на треть сократить долг перед федеральным бюджетом, сейчас он составляет 9,3 млрд руб.

В декабре регион принял социально направленный бюджет с дефицитом 1,2% от расходов. Суммарные доходы на 2018 год прогнозируются на уровне 29 млрд руб., расходы должны составить около 29,34 млрд руб. Дефицит бюджета определен в 340,6 млн руб. Регион планирует рост ВРП в 2018 году на 4% (в 2019-м — на 6,1%, в 2020-м — на 12,3%). Рост налоговых поступлений запланирован на уровне 4%, общая сумма налогов и сборов на 2018 год прогнозируется на уровне 11,6 млрд руб. Федеральные дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности на 2018 год запланированы на уровне 9,8 млрд руб. Таким образом, власти попытаются выровнять «налоговый провал» 2017 года и продемонстрировать неплохой экономический рост.

«РАЗГОВОРЫ О ТОМ, ЧТО КОМПАНИИ-ГИГАНТЫ ЗАБЕРУТ ВСЕ, — ОТ ЛУКАВОГО»

О ВЫЛОВЕ ЛОСОСЯ, ПРЕДЛОЖЕНИЯХ ДЛЯ ИНВЕСТОРОВ И РАЗВИТИИ ИНФРАСТРУКТУРЫ САХАЛИНА РБК+ РАССКАЗАЛ ГУБЕРНАТОР САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ **ОЛЕГ КОЖЕМЯКО**

— Вы единственный из российских губернаторов, кто имеет за плечами опыт руководства тремя субъектами Федерации. Какие уроки вы извлекли для себя, от каких стереотипов отказались?

— Для меня в собственной биографии важнее и дороже другое — то, что на Дальнем Востоке жили три поколения нашей семьи. Мои деды приехали сюда в 1902 и 1904 годах, еще в период от Витте и до Столыпина. Я родился в селе Черниговка Приморского края, учился в Хабаровске, долгие годы работал в Приморье. Сейчас мы с вами беседуем тоже не в московском кабинете, и это многое объясняет, правда? Мне не надо «извлекать уроки» из своего губернаторства. Я просто должен делать свою работу так, чтобы от нее был толк. В моем понимании эффективность — это минимум бумаг и бюрократии, зато максимум ощутимых результатов, конкретных сдвигов к лучшему. Чего-то иного Дальний Восток не принимает и не терпит.

— Зачем понадобилось упразднить в Сахалинской области программу социально-экономического развития?

— Нужна ясность, а не ворох бумаг. У нас есть Стратегия социально-экономического развития Сахалинской области, рассчитанная до 2025 года. В ее рамках действуют 26 госпрограмм в сфере образования, социальной политики, медицины, жилищного строительства — в общем, всего, что для людей действительно важно.

— Президент страны поставил перед регионами ДФО задачу войти в топ-30 рейтинга Агентства стратегических инициатив, отражающего инвестиционную привлекательность субъектов РФ. Реально ли это?

— Вполне. Здесь есть хорошие рынки сбыта, порты, железная дорога. Однако препятствием может стать отсутствие во многих субъектах ДФО газа и электричества. Проблема актуальна даже для Сахалина: остров газифицирован всего на 14% — сапожник без сапог. В Приморье с газом тоже плохо, в Еврейской автономной и Амурской областях его просто нет, через Хабаровский край идет газовая труба, но подступиться к ней очень сложно. Еще один фактор торможения — чиновничья бюрократия. У нас живет не так много людей, а количество федеральных структур и разнообразных госуправленцев такое же, как в любом крупном регионе. Зачем?

— В Сахалинской области действует собственная Корпорация развития. По каким критериям она отбирает проекты?

— Мы оцениваем, насколько эффективную отдачу могут принести вложенные средства. Скажем, проекты в сфере АПК — «длинные», в них обычно не вкладывают средства ни банки, ни крупный бизнес. Средства корпорации мы использовали для стартовых позиций — построили ком-

ФОТО: ПРЕСССЛУЖБА

«МЫ СМОГЛИ ПЕРЕУБЕДИТЬ ДАЖЕ ТЕХ, КТО КАТЕГОРИЧЕСКИ НЕ ВЕРИЛ В НАШИ ПЛАНЫ. МЫ ДОКАЗАЛИ, ЧТО НА САХАЛИНЕ МОЖНО ВЫРАЩИВАТЬ КОРМОВЫЕ И ЗЕРНОВЫЕ КУЛЬТУРЫ»

плексы, подвели к ним инфраструктуру, заготовили всю необходимую технику и предложили инвесторам практически готовый бизнес. Хотите им управлять — выкупайте хоть 50, хоть 60% и пользуйтесь.

— Что с этими проектами происходит дальше?

— Они становятся на ноги и работают самостоятельно. Сегодня многие инвесторы берут кредиты и выкупают свой бизнес у Корпорации развития. Мы смогли переубедить даже тех, кто категорически не верил в наши планы. Мы доказали, что на Сахалине можно выращивать кормовые и зерновые культуры. Было огромное желание сделать так, чтобы Сахалин потреблял собственные продукты питания, а не завозные.

— На Сахалине вылов лососевых сокращается, а на Камчатке растет. Это природное явление или повлиял человеческий фактор?

— От природы зависит многое, но человеческий фактор влияет не меньше. На Камчатке действует бассейновый принцип закрепления рек и устьевых

неводов за предприятиями, выигравшими аукционы. На Сахалине участки по старым договорам распределялись между примерно тысячей пользователей (в советское время их было 140). Итог — частоклад неводов, только чтобы «рыба к соседу не зашла». Реки опустели. Этот вопрос обсуждался давно, много говорилось о принципе «одна река — один хозяин». Он сам по себе неплох, уточню лишь, что таким «хозяином» может быть ассоциация пользователей, как это происходит на Камчатке. Это нормальный принцип, просто в каждом регионе его надо расматривать отдельно.

— Нет опасений, что рыбную отрасль в итоге поделят между собой компании-гиганты, а мелкие окажутся не у дел?

— Если на рынок приходят крупные компании, я не вижу в этом ничего плохого. Они используют новые технологии, у них люди работают и получают зарплату без перебоев. Причем это наши, российские компании, зарегистрированные в том же Владивостоке. Они же не марсиан к себе наберут, а тех же приморских или камчатских рыбаков. Не хочешь вступать с ними в сделку по реализации своей продукции — никто не заставляет. А на страже интересов среднего и мелкого бизнеса стоит антимонопольное законодательство.

То же касается и инвестиционных квот. Если ты хочешь построить небольшой завод на берегу, ты получаешь 10 тыс. т того же минтая, а если ты предприятие, которое способно переработать 100 тыс. или 50 тыс. т, тебе положено больше. Строишь парусник — от его длины даются квоты от 25 тыс. т и ниже. Их выделяют без проблем. Разговоры о том, что компании-гиганты заберут все, — от лукавого. Элемент поглощения на рынке есть всегда, но

именно поэтому и существуют антимонопольные службы, и они свой хлеб едят не зря.

— В какой степени вы рассчитываете на поддержку федеральных институтов развития — в частности, Фонда развития Дальнего Востока?

— Корпорация развития Сахалинской области выделила льготный кредит Фонду развития Дальнего Востока — 15 млрд руб. Деньги пойдут на реализацию проектов в Сахалинской области. Например, на проект по строительству паромов, строительство подъездных путей углеподачи для Сахалинской ГРЭС, строительство второй взлетно-посадочной полосы в Южно-Сахалинске, в аэропортовую инфраструктуру. Фонд сможет инвестировать и в другие проекты, согласованные с правительством Сахалинской области.

— В СМИ появилась информация, что идею моста на Сахалин с материка все-таки решено не откладывать в долгий ящик и в ближайшие сроки будут обновлены технико-экономические обоснования «стройки века». Это правда?

— Ученые-проектировщики в конце прошлого года передали свою документацию в Минтранс. Думаю, что скоро будут подготовлены проекты и сметы. Процесс пошел, но точные сроки его осуществления назвать пока невозможно. Надеюсь, что идея воплотится в жизнь.

Просто надо понимать, что нужны и другие надежные мосты, которыми Сахалин должен быть связан как с остальной частью России, так и с другими странами. Мы как раз сейчас их и наводим. Доверие и спокойствие инвесторов, четкие правила игры, последовательные шаги к намеченной цели важны не меньше, чем любые мостовые опоры или стальные балки.

«США ПРОСПАЛИ МОМЕНТ СБЛИЖЕНИЯ КИТАЯ И РОССИИ»

О ТОМ, ПОЧЕМУ ПАРТНЕРСТВО ПЕКИНА И МОСКВЫ РАЗРУШИТЬ УЖЕ НЕВОЗМОЖНО,
РБК+ РАССКАЗАЛ ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА ДАЛЬНОГО ВОСТОКА РАН **СЕРГЕЙ ЛУЗЯНИН**

ФОТО: ВИКТОР САМОЛЫГО/ТАСС

— Как бы вы охарактеризовали отношения России с Китаем, учитывая, что странам не удается выйти на уровень взаимного товарооборота, обозначенный в планах их лидерами, — \$100 млрд в год?

— В 2016 году объем товарооборота просел до \$62 млрд. В 2017 году цифра выправилась, товарооборот составил \$82,3 млрд. Таким образом, произошел рост на 20,8% год к году. Это неплохо. Конечно, заявленных \$100 млрд не достигли, но главное, что выросло качество взаимной торговли. Теперь это уже не монополярная торговля углеводородами и сырьем. Появились очень серьезные инвестиционные опции. Так, совместно с Китайским инвестиционным фондом создан Российско-китайский фонд инвестиций, у которого на рассмотрении 37 проектов, из них семь проектов реализуются на территориях опережающего развития (ТОР) Дальнего Востока. Это предприятия в сфере высоких технологий, машиностроения, агропрома, химпрома.

— Какую роль Россия может сыграть в китайском проекте «Один пояс — один путь»?

— В рамках стратегии «Один пояс — один путь» в 2017 году запущен масштабный проект «Ямал СПГ» — производство сжиженного природного газа на Ямале и его экспорт в Китай. Создание масштабной инфраструктуры для этого проекта длилось несколько лет. В проекте участвует НОВАТЭК, 25% инвестиций — от китайского фонда «Шелкового пути». Мы привыкли к традиционному треку экспорта газа — с помощью трубопровода. А СПГ — это новая достаточно высокотехнологичная история.

Другой проект — строительство высокоскоростной железной дороги. Изначально планировалось строить ее на участке Москва — Казань, но теперь ее спланировали продолжить до Урала. Начались работы по технико-экономическому обоснованию.

— Есть ли серьезные перспективы у отдельных регионов Дальнего Востока в сотрудничестве с Китаем и другими странами Азии?

— В 2018 году наконец будет завершено российско-китайский проект по строительству железнодорожного моста через реку Амур, Нижнеленинское — Тунцзян. И одновременно в 2018 году в рамках стратегии «Один пояс — один путь» завершится строительство автомобильных мостов: Благовещенск — Хэйхэ и Полтавка — Дуннин. Кроме того, идет модернизация порта Большое Зарубино. Челночная торговля уходит в прошлое.

Еще один важный момент: 2018-й будет годом китайских регионов в России, а 2019-й — годом российских регионов в Китае. Межгосударственный формат диверсифицируется, опускается на региональный уровень. Около ста городов, областей, краев являются побратимами китайских регионов. Сформировалось 26 пар городов РФ и КНР в системе побратимских связей. Хороший опыт имеет проект «Волга — Янцзы», где субъекты Приволжского федерального округа установили взаимодействие с городами и провинциями в бассейне реки Янцзы в Китае.

Совсем недавно, в 2017-м, создана межправительственная российско-китайская комиссия по развитию межрегионального сотрудничества между Байкальским регионом и субъектами Северо-Восточного Китая. Это логичное решение: на этом направле-

нии открываются железнодорожный и автомобильный переходы. Наконец, новый перспективный проект — создание экономических и транспортных коридоров в рамках треугольника Россия — Монголия — Китай; в проекте задействованы Бурятия, Иркутская область, на территории КНР — автономный район Внутренняя Монголия.

— Часто вспоминают историю строительства моста на остров Большой Уссурийский: китайцы выполнили все обязательства, а мы отстаем. Есть и другие примеры.

— Да, отстаем. 2018 год станет годом усиления китайских инвестиций, торговли, количества совместных предприятий на российской территории при существенно меньшей активности российских инвестиций, российских проектов на китайской территории. Причины понятны: общее отставание эффективности российской экономической модели от китайской. Соотношение экономических потенциалов наших стран где-то один к шести, да и уровень технологий в Китае значительно выше.

— В какой степени благодаря Китаю мы сможем компенсировать технологические потери от санкций?

— Нельзя сказать, что Китай на 100% компенсирует возможные технологические потери от санкций, но частично — компенсирует. При этом появились и российские ноу-хау, которые для Китая очень интересны. Китайцы активно покупают продукцию российского агропрома, включая зерновые, сою. Такого вообще никогда не было — идет рост российского экспорта, особенно по зерну.

Наше партнерство сформировало преимущества, которых нет у дру-

гих государств. Российско-китайский формат сохраняет свободу рук у каждого в отношениях с третьими странами. Уровень доверия превосходит союзнический формат, а российско-китайский тандем выступает в качестве самостоятельной геополитической силы, сдерживая потенциальных противников. Можно сказать, что российско-китайские отношения приобрели стратегическую устойчивость. Как бы Запад ни пытался вбить клин между Пекином и Москвой, вернуть ситуацию уже невозможно — Америка проспала тот момент, когда Россия и Китай сблизилась.

— Но ведь США все равно остаются главным партнером Китая?

— Отношения у Китая с США, конечно, хорошие, поскольку у этих стран гигантская взаимная торговля, гигантские инвестиции — почти \$620 млрд, при этом Китай имеет огромное положительное сальдо с Америкой, он скупил американские ценные бумаги на \$1,2 трлн. При всей экономической взаимозависимости Пекина от Вашингтона председатель КНР Си Цзиньпин делает акцент на том, что для него стратегическая безопасность, которую обеспечивают отношения с Россией, важнее, чем коммерческая выгода с США.

На Западе считают, что деньги определяют все. Да, конечно, для Китая важны деньги, но американцы просто не знают китайских стратегий и специфики китайской тысячелетней дипломатии. А это поддержание долговременных балансов. С Россией сложился выгодный для обеих сторон стратегический баланс. Мы имеем многократное превосходство над Китаем в военно-стратегических силах, Китай — в экономико-финансовых силах.

Происходит сложение — не механическое, а, я бы сказал, геополитическое сложение балансов, где получается огромный российско-китайский совокупный потенциал, в котором нет Старшего или Младшего брата.

Президент США Дональд Трамп воспроизводит упрощенную схему: Северная Корея плохая, ее надо аннулировать, Китай и Россия тоже враги, соперники. Но он забывает, а скорее, не знает сложную историю отношений КНР и двух Корей. Когда была корейская война, полмиллиона китайцев положили свои жизни на стороне Северной Кореи, потому что это были идеологически близкие режимы. Китай фактически всегда сохранял влияние на Пхеньян, но и Советский Союз, и потом Россия всегда имели особые отношения с Северной Кореей. При этом и Южная Корея очень формально присоединилась к экономическим санкциям против России. Все устроено сложнее, чем видится из Вашингтона.

Китайцы строят свою стратегию сдерживания США. И я думаю, что Америка явно недооценивает Китай.